

Басова Н. В.

ОРИЕНТАЦИЯ НА ДИАЛОГ КАК МАГИСТРАЛЬНЫЙ ПРИНЦИП ТЕКСТОПОРОЖДЕНИЯ В ПОЭЗИИ Г. ИВАНОВА

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2007/3-3/10.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2007. № 3 (3): в 3-х ч. Ч. III. С. 25-26. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2007/3-3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

ОРИЕНТАЦИЯ НА ДИАЛОГ КАК МАГИСТРАЛЬНЫЙ ПРИНЦИП ТЕКСТОПОРОЖДЕНИЯ В ПОЭЗИИ Г. ИВАНОВА

Басова Н. В.

Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского

Принцип подчеркнутой диалогичности своего поэтического мира Г. Иванов сохранил на протяжении всего творческого пути. Если в рамках первых сборников поэта этот прием можно было обозначить как заимствованный (например, у М. Кузмина), то дальнейшее творчество поэта в контексте развития мировой литературы свидетельствует скорее о том, что молодой автор «поймал», почувствовал ту «точку», тот принцип повествования, который стал одним из магистральных в постмодернизме.

Диалогичность в поэзии Г. Иванова - не случайный прием, которым автор ограничился в рамках какого-либо этапа творчества. Этот принцип повествования является одним из ведущих в его поэтики и затрагивает практически все уровни текста.

На уровне формы это выражается в обращении Г. Иванова к «твердым» стихотворным формам, а так же к форме стиха, утратившей свою «актуальность» в данный период: сонет, триолет, стансы, акrostих, послание и т.д.

На содержательном уровне можно выделить несколько типов реализации модели вторичности.

1) **прямое цитирование**, позволяющее Г. Иванову подчеркнуть вторичную природу своего текста. Автор нередко обращается к строкам других авторов, «оформляя» цитату при помощи кавычек. Так в стихотворении «Холодно бродить по свету» перед нами размышления человека о смерти. Но строка «Ты еще читаешь Блока» и дистихи «Анна, Анна! Нет ответа.// Анна, Анна! Тишина» отсылают читателя к стихотворению А. Блока «Шаги Командора». Картина интерпретации меняется кардинальным образом: перед нами диалог смыслов, и содержаний:

Ср. А. Блок:

Анна, Анна, сладко ль спать в могиле?

Сладко ль видеть неземные сны?

Г. Иванов:

...Холодно лежать в гробу.

Далее А. Блок:

Жизнь пуста, бездумна и бездонна!...

Выходи на битву, старый рок!

Г. Иванов:

Холодно бродить по свету,

Холодно лежать в гробу.

Помни это, помни это,

Не кляни свою судьбу.

...

И, конечно, жизнь прекрасна,

И, конечно, смерть страшна...

(70)

Г. Иванов не просто обращается к строкам А. Блока, не просто ведет диалог, он подчеркивает свое не столько обращение, сколько возвращение уже затрагиваемой темы. Кроме того, Г. Иванов не просто «вписывает» в свое произведение какие-то отдельные строки, а актуализирует весь пласт претекстов. Это и «маленькие трагедии» А. С. Пушкина, и сама легенда о Доне Жуане. В данном случае это не просто контекст стихотворения А. Блока. Перед нами история Дона Жуана в восприятии А. Блока переходит в категории, оторванные от литературного контекста. И именно они «впитываются» вместе со строфой «Донна Анна...» в стихотворение Г. Иванова. Перед нами трансформация темы на первичном и вторичном уровне (от истории о Доне Жуане к размышлениям о смерти у А. Блока, «спор» с «Шагами Командора» у Г. Иванова).

Надо отметить, что очень часто Г. Иванов цитирует таким образом «Незнакомку» А. Блока:

«Дыша духами и туманами,

Она садится у окна».

Ей за морями-океанами

Видна блаженная страна...

2) Кроме того, в текстах Г. Иванова можно найти бесчисленное множество **скрытых цитат, реминисценций** во всех возможных вариантах. Спектр произведений и авторов, к которым обращается Иванов, велик: Пушкин, Гоголь, Лермонтов, Достоевский, Тютчев, Северянин, Блок, Бальмонт, Анненский, Гумилев, Ахматова, Мандельштам; «Дафнис и Хлоя», «Евгений Онегин», «Маленькие трагедии», «Бедные люди», перечисление будет бесконечным.... Вот примеры: «Пустынна и длинна моя дорога» («Выхожу один я на дорогу» М.Ю. Лермонтова), «И журавли, на север улетаю» («И журавли, печально пролетая...» С. Есенин), «Одинока, нелюдима, // Вьется ласточкой душа» («Ласточка» О. Мандельштам) и т.п.

3) Диалогичность проявляется и в освоении культурного, литературного контекста через **аллюзию**. В стихотворении «На острове Цитере» Г. Иванов при помощи аллюзии обращается к образу А. С. Пушкина,

он делает это через реминисценцию на стихотворение А. Ахматовой «Смуглый отрок бродил по аллеям...», актуализируя тем самым литературный контекст и контекст бытовой - историю конкретной личности.

4) В поэзии Г. Иванова можно встретить и **ритмические реминисценции**. Стихотворение «Все на свете не беда» перекликается с «Плясками смерти» А. Блока не только по содержанию, но и ритмически:

Старый, старый сон. Из мрака
Фонари бегут - куда?
Там - лишь черная вода,
Там - забвенья навсегда.

(А. Блок)

Тот же четырехстопный хорей мы видим у Г. Иванова:

Все на свете не беда,
Все на свете ерунда,
Все на свете прекратится -
И всего верней - проститься,
Дорогие господа,
С этим миром навсегда.

5) **Фонетические реминисценции**. Встречаются у Иванова и заимствования на уровне фонетики. В стихотворении «Где отцветают розы, где горит...» строка «Осенних роз лелея лепестки», очевидно соотносится с «Песней без слов» и «Челном томленья» К. Бальмонта. Но если ассонансы К. Бальмонта - это не просто эстетство, а попытка поэта на звуковом уровне воспроизвести, музыку слова («Ландыши, лютики. Ласки любовные. // Ласточки лепет. Лобзанья лучей...»), сделать «слышимым» в стихотворении шелест воды, «вздохи ветра» («Ветер. Взморье. Вздохи ветра. Величавый возглас волн...»), то Г. Иванов лишь использует разработанный в двух этих произведениях технический прием для эстетической игры, копируя ассонанс на «л» у Бальмонта («лелея лепестки»).

Очевидно, что подчеркнутая ориентация на вторичность текстов Г. Иванова - не просто период ученичества, несамостоятельность молодого поэта, но магистральный принцип его поэтики, а строки «Друг друга отражают зеркала, // Взаимно искажая отраженья» можно считать эпиграфом ко всем его произведениям, независимо от времени их написания.

Нельзя не заметить также любовь автора к изображению уже изображенного, что реализует принцип вторичности на уровне содержания текста. В стихотворении «Заставка» автор описывает рамку венецианского зеркала, в стихотворении «О, празднество на берегу, в виду искусственного моря» перед нами описание картины:

Пусть голубеют вечера, вздыхают легкие свирели,
Пусть колышались листья под розоватою луной,
И воскресает этот мир, как на погибшей акварели, -
Запечатлел его поэт и живописец крепостной.

Стремление подчеркнуть отраженность того, что изображается в стихах, затронуло и изобразительно - выразительную сторону поэзии Г. Иванова. Наглядным примером является следующее стихотворение:

Никакого мне не нужно рая,
Никакая не страшна гроза -
Волосы твои перебирая,
Все глядел бы в милые глаза.

Как в источник сладостный, в котором
Путник, наклонившийся страдой,
Видит с облаками и простором
Небо, отраженное водой.

Развернутое сравнение глаз любимой с отражающим источником можно посчитать метафорой поэзии Иванова, отражающей в себе всю культурную традицию.

РАЗГРАНИЧЕНИЕ ЯЗЫКОВОГО И КОНЦЕПТУАЛЬНОГО ВРЕМЕНИ

Блинова Е. А.

Ульяновский государственный университет

Человек не мыслит своего существования вне времени, однако течение объективного времени ему не подвластно и не дано непосредственно в ощущениях. Тем не менее, с помощью языка человек обретает возможность не только упорядочить свое бытие, но каким-то образом даже влиять на ход времени - замедлять, торопить, поворачивать вспять, «играть» со временем - одним словом, манипулировать временем. Складывается иллюзия, что мы подчиняем себе объективное время, а это на самом деле не так. Только в языке «года летят», «время бежит, лечит, расставляет все по своим местам», «ночь приходит, пролетает» и т.д. Языковое (не объективное) время становится для человека той реальностью, которую он может и должен познать. Следует признать, что проблема языковой объективации времени уже не представляет на современном этапе